

Русская литературная классика сегодня: испытания/ вызовы мессианизма и массовой культуры

1. **Литературный и литературоведческий каноны; их устойчивость.** Русский литературный канон уцелел. Благодаря чему? Какой ценою? Экспертное знание канона может ли похвалиться таким же успехом?

2. **Мессианизм и массовая культура: давление на литературу и литературоведение.** Русская классика подвержена мощному интерпретативному давлению. Два вектора этого давления кажутся нам особенно значимыми сегодня. Проверке подвергается ее пригодность нести или выносить национально-религиозный мессианизм (давление социо-культурного арьергарда?), а также терпеть адаптации, делающие ее восприимчивой для массового коньюмера (давление социо-культурного авангарда?) либо удободоступной с точки зрения исследований массовой культуры (примем пока огрубляющее понятие “массовая культура”). Применение профессионалами соответствующих подходов наверное подчинено по меньшей мере одной прагматической цели: выживания академической литературоведческой русистики. (Последняя оказывается социально менее стабильной, чем “высокая” литература.)

3. **Предыстория.** В общем, эта диспозиция имеет свою советскую и пред-советскую предысторию.

4. **Государство, рынок, (историческое) самосознание как факторы давления.** Мы склонны усмотреть за указанным соображением здравого житейского смысла соображения, чьим субъектом является то, что обычно называем историческим самосознанием.

4. 1. Возможно, происходит адаптация собственного восприятия к предполагаемому/ чаемому прошлому. Обнаруживается опыт, комплекс намерстания/ возобновления связей с собственным прошлым.

4. 2. Возможно, происходит адаптация восприятия к предполагаемому настоящему и будущему. Обнаруживается комплекс опасения быть неактуальным.

4. 3. В обоих случаях гетерономия действует не через политику в первосигнальном порядке.

4. 4. Коротко говоря, можно выделить мотивы от самосознания и мотивы от рынка/ госзаказа.

5. **Академическое литературоведение и литература в эпохе пост-эстетики и пост-искусства.** Исследование этих двух адаптаций русской классики позволило бы присмотреться к статусу академического литературоведения сегодня; к статусу литературы – поставить вопрос о том, не живем ли мы в эпохе пост-литературы (по аналогии с пост-искусством, пост-эстетикой) и, соответственно, чем должен измениться наш подход к литературе, ввиду этого вероятного факта. Поставить заново старый вопрос о том, насколько литературе по силам устоять на идеологическое и мультимедийное давление. Поискать те ниши, в которых литературоведческая озабоченность, склонившись к компромиссу, не сдастся, а усваивает в своих целях видение и приемы указанных кандидатов на гегемонию – прикладное религиоведение и прикладной менеджмент. Мы сможем заново поставить вопрос: где лежит неназванная (а может, названная?) сердцевина, которую мы бережем от посягательств?

6. **(Не)востребованность ответственности к своему предмету.** Мы можем поставить и вопрос о своей ответственности к неким “сердцевинам” “научности” и “литературности”, востребована ли она – примерно с точки зрения литературы, чью литературность, стало быть, претендуем оберегать подходящими толковательными процедурами?

Стоит выделить по меньшей мере три точки зрения на адаптируемость литературы: взгляд литераторов; субъектов гетерономии; самой литературы (предвидит ли злоупотреблений с собой?).

7. **Эпистемологический потенциал выдвигаемой точки зрения.** Мы выражаем свою надежду, что из слагаемых этих двух оперативных стратегий в отношении русской классики мы сможем нащупать путь к методологическому синтезу (было бы поспешностью определять его как литературно-исторический или литературно-теоретический). Эту возможность следует проверить.

Следует проверить также пригодность излагаемой здесь позиции посредничать. По своей внутренней структуре она претендует на посредничество.

8. **Литература, литературоведение и мультикультурализм.** Предлагаемый проект затрагивает и нелитературоведческие проблематику, например проблематику мультикультурализма. Нам кажется, что в Болгарии и в Европе преобладает интерес к субъекту гегемонии, предоставляющему или нет права человеческим группам, населяющим управляемую им территорию и не являющимся на ней суверенами. Однако проблематику отнюдь нельзя исчерпать казусами типа англоканадцев в Квебеке или бывших турецких гастарбайтеров в Германии, т.е. материей имманентно внутренне-политической. Существуют национальные государства, сторонники многополюсного мирового порядка, которые обосновывают данный свой геополитический интерес мультикультуралистическими визиями. Россия наверное является одним из этих игроков. Мультикультуралистические визии – часть как геополитики, так и “высокой” культуры, заявляющей свою собственную “повестку дня”. Русская литературная классика кажется нам одним из важных ресурсов, в эти визии вкладываемый, их поддерживающий либо опровергающий.

9. **Литература и кино.** Рассматривая адаптации русской классики к массовой культуре, мы предлагаем сосредоточить внимание на кино. Но мы даем себе отчета в том, что подходить с презумпцией профанизирующей роли кино может подвести. Может оказаться, что язык кино пригоднее для внушения “высокого” смысла, нежели язык исходного литературного произведения. Какая из двух воспринимательских культур более утонченна сегодня? В какой мере она дифференцирована и каким образом дифференцируется?

10. **Взгляд из России и взгляд извне.** Самоопределяясь ввиду двух указанных оперативных стратегий в отношении русской классики, иностранная русистика имеет возможность осмыслить – ввиду ситуации у себя “дома” – вызовы автономии научного исследования. Мы задаемся также более общей целью проверить, в какой мере ситуация вокруг той или иной не-русской литературной классики аналогична, схожа или сопоставима с ситуацией вокруг русской.

11. **Темы (ново)модные и темы в ореоле высокой классичности. Темы презираемые.** Мы предлагаем переосмыслить тематический репертуар литературоведческой русистики, перенося оппозицию массовая культура – мессианизм на “полосу” автономного самосознания этой дисциплины. И массовая культура, и религиозно-национальная миссия, как приращения к предмету литературоведческого исследования, принадлежат к кругу тем скорее (ново)модных. Какие же темы и тематические приращения можно отнести к другому полюсу, “высокой классики” литературоведческим тем? Есть ли основания считать придерживание к темам этого круга (тоже) репрессивным? Конечно, при таком подходе пестуемая нашей мыслью автономия исследования становится неизменно ускользающей целью.

Йордан Люцканов, при близком участии Радостина Русева и Христо Манолакева